
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XIV

Сборник научных статей по монголоведению
посвящается 130-летию монголоведа, публициста, дипломата,
академика АН СССР Ивана Михайловича Майского (1884—1975)

St. Petersburg
2015

Р. Ю. Почекаев

Чингизидское правовое наследие в ойратских ханствах

В статье анализируются заимствования из чингизидских политических и правовых традиций в ойратских государствах (Джунгарском, Калмыцком, ханстве монголов Тибета и Кукунора). Автор рассматривает правовое обоснование принятия ойратскими правителями ханских титулов, процесс правотворчества и правоприменения, формальное обоснование претензий ойратских государств на бывшие владения ханов-Чингизидов. Автор приходит к выводу, что ойраты часто использовали чингизидские политико-правовые традиции, которые, в свою очередь, берут начало из древнемонгольского государственного и правового прошлого, а также опыт взаимодействия Чингизидов с иностранными сюзеренами.

Ключевые слова: тюрко-монгольское право, ойраты, Джунгарское ханство, Калмыцкое ханство, Чингизиды, ханство, легитимация власти, буддизм.

Ойратские государства можно считать своеобразной альтернативой ханствам потомков Чингис-хана, чья монополия на власть в Великой Степи уже с XV—XVI вв. оказалась существенно подорванной в результате распада таких имперских образований, как сама Монгольская империя, империя Юань в Китае, Чагатайский улус, Золотая Орда (подробнее см.: [Почекаев, 2011]). Тем не менее, противопоставляя себя Чингизидам, ойратские правители использовали многие государственные и правовые традиции последних. В настоящем исследовании мы намерены проанализировать особенности использования институтов «чингизидского» права в ханствах, созданных ойратами в XVI—XVIII вв.

1. *Легитимация принятия ханских титулов.* Как известно, формально Чингизиды, потомки «Золотого рода», обладали монополией на верховную власть и ханский титул вплоть до начала XX в. [Султанов, 2001; Miyawaki, 1999. P. 319]. Однако фактически, как уже отмечалось, они постепенно утрачивали ее по мере возвышения других кланов — менее знатных, по мнению потомков Чингис-хана. К таковым относились и предводители так называемых «четырех ойратов», наиболее влиятельные из которых стали, по примеру Чингизидов, принимать ханские титулы.

Однако, хотя фактическим основанием принятия ойратскими правителями ханского титула и стало их реальное могущество, доминирование в степях Центральной Азии, формально они должны были считаться узурпаторами по сравнению с ханами-Чингизидами. Поэтому им были необходимы правовые основания для обладания таким титулом. Первые ойратские ханы, происходившие из рода хошоутов, претендовали на ханскую власть, выводя свое про-

исхождение от Хасара, брата Чингис-хана, причем такое их происхождение признавалось и в официальной монгольской историографии: в частности, оно отражено в генеалогическом сочинении «Илэртхэл шастир» [Успенский, 1987. С. 162—164; Санчилов, 1990. С. 61—64; Зарлигаар, 2007. С. 128; Miyawaki, 1999. P. 326—327]. Тем не менее даже они именовались в ойратских источниках ханами, не получая международного признания. Так, например, известный хошоутский правитель Байбагас в ойратской исторической традиции именовался ханом [Козин, 1947. С. 98—100], хотя в иностранных государствах он фигурирует лишь как тайши — старший среди равных ойратских правителей [Русско-монгольские отношения, 1959. № 50, 52; Чернышев, 1990. С. 57]¹.

Впрочем, этого основания в глазах Чингизидов и их приверженцев, по-видимому, было недостаточно для легитимного обладания ханским титулом, поэтому вскоре ойратским правителям удалось найти более законное основание — поддержку высших иерархов буддийской церкви. Надо сказать, что прецеденты пожалования ханских титулов далай-ламами имели место и среди Чингизидов: так, буддийские иерархи жаловали титулы тумэтскому хану Алтану, тушету-хану Абатаю, последнему общемонгольско-

¹ Стоит отметить, что в историографии XIX—начала XXI в. существует большая путаница относительно титулов ойратских правителей. Одни исследователи считают ханами и тех ойратских правителей, которые, согласно источникам, формально носили лишь титул хунтайджи [Бичурин, 1829. С. 157, 160; 1991. С. 38, 54, 96; Чимитдоржиев, 2002. С. 95, 101—103; Далай, 2002. С. 224, 258; Ерофеева, 2010. С. 493], другие просто-напросто отождествляют титулы ханов и хунтайджи [Кузнецов, 1980. С. 7, 9; Кычанов, 1980. С. 17, 19; Моисеев, 1991. С. 36].

му хану Лигдану, сайн-нойону Тумэнкину [История, 1999. С. 66; Скрынникова, 1988. С. 14—16, 32; Miyawaki, 1999. Р. 323]. Поэтому такое пожалование и членам других семейств представлялось не менее легитимным в глазах монголов, среди которых буддизм в XVII в. уже получил значительное распространение.

Первым ойратским ханом, формально получившим титул от Далай-ламы, стал хошоутский Гуши-хан, правитель Кукунора, на рубеже 1630-х и 1640-х гг. овладевший также и Тибетом; более того, он даже был признан перерождением знаменитого буддийского проповедника VIII в. Падмасамбхавы. Его потомки также официально получали титулы от Далай-ламы [Пагсам-джонсан, 1991. С. 46—49; Дугаров, 1983. С. 64; Ерофеева, 2010. С. 495, 499], но фактически считались уже потомственными ханами, наследниками Гуши-хана, поскольку происхождение от хана также являлось достаточным основанием для обладания ханским титулом.

Таким образом, в 1640—1670-е гг. ханские титулы носили только хошоутские правители Тибета, Кукунора и Алашаня: фактически контролируя Тибет, они имели возможность заставить Далай-ламу жаловать высший титул исключительно представителям их рода [Ерофеева, 2010. С. 499—500]. Однако после смерти Даян-хана, сына Гуши-хана (1668) Далай-лама приобрел большую самостоятельность и получил возможность жаловать ханские титулы также и другим ойратским правителям: в 1678 г. ханский титул от Далай-ламы получил джунгарский правитель Галдан (Бошугту-хан) из племени чорос [Miyawaki, 1999. Р. 329], в 1690 г. — Аюка, торгоутский правитель Калмыцкого ханства [Колесник, 2003. С. 107]², а уже в 1730-е гг. — другой калмыцкий правитель, Дондук-Омбо [Трепавлов, 2007. С. 158].

Все это позволило калмыцким ханам претендовать даже на часть бывшего наследия Золотой Орды. Из документов, входивших в состав «Полного собрания законов Российской империи», следует, что калмыцкие ханы (в частности знаменитый Аюка) считались сюзеренами ряда ногайских родоплеменных подразделений: Едисанской и Джамбулукской орд и др. [Почекаев, 2013. С. 112].

По мере ослабления позиций ойратов и усиления соседних правителей ойратским монархам приходилось изыскивать и новые средства легитимации своей верховной власти. Так, калмыцкие ханы получали подтверждение своего ханского титула от русских царей даже в том случае, если сам титул им жаловался тибетскими иерархами. Так, Аюка, получив от Далай-ламы титул в 1690 г., был признан в ханском

достоинстве Петром I лишь в 1697 г. [Трепавлов, 2007. С. 160] и позднее, в 1710-е гг., не претендовал на равное с ним положение, как ранее, а считался его подданным, «братом» же, т. е. равным себе, именовал уже не самого царя, а лишь астраханского губернатора П. М. Апраксина [Полное собрание... 1830. № 2207; Азванова, 2007. С. 74]. Потомки Аюки в еще большей степени зависели от русских императоров. Так, Церен-Дондук, управлявший калмыками с 1724 г., был признан русской администрацией в ханском достоинстве лишь в 1735 г., Дондук-Омбо, правивший с 1735 г., — в 1737 г., Дондук-Даши, правивший с 1741 г., — в 1757 г. [Колесник, 2003. С. 128, 251—252].

Ханы Джунгарии и Тибета для сохранения и подкрепления своего ханского титула прибегали к покровительству императоров династии Цин. Так, именно от китайского императора получили ханский титул джунгарский правитель Даваца и хошоутский хан Тибета Лхавсан, а калмыцкий наместник Убаши, откочевавший в 1771 г. в Китай, получил титул зоригту-хана [Китайские документы, 1994. С. 75; Цыбиков, 1991. С. 141—142; Колесник, 2003. С. 251].

Подчеркнем, что и в этом отношении ойратские правители следовали правовой практике Чингизидов, признававших иностранное господство. Как известно, казахские ханы считались подданными русских императоров, крымские Гирей — вассалами турецких султанов, монгольские ханы Халхи — подданными императоров Цин и, соответственно, получали от них титулы. В ряде случаев Чингизиды принимали ханский титул от одних иностранных правителей в качестве гарантии независимости от других — так, например, ряд казахских ханов середины XVIII в., уже находясь в русском подданстве, получили титул от императора Цин [Ерофеева, 2001. С. 125, 130]. Таким образом, получение ханского титула от иностранных государей не делало ойратских ханов менее законными и полновластными правителями, чем современные им Чингизиды.

2. *Правотворчество и правоприменение.* Одной из наиболее значительных прерогатив ханской власти Чингизидов являлось издание собственных законов, обладавших высшей юридической силой для всех их подданных. Ойратские правители, приняв ханские титулы, также начали активную правотворческую деятельность. Наиболее известным источником права ойратского происхождения является «Их Цааз» (другое название — «Цааджин Бичиг»), принятый в 1640 г. на съезде ойратских и монгольских правителей. Считается, что инициаторами принятия этого свода законов были чоросский Батурхунтайджи и хошоутский Очирту Цэцэн-хан [Их Цааз, 1981. С. 3; Ерофеева, 2010. С. 496]. Ряд авторов считают свод 1640 г. кодификацией обычного права, однако более обоснованным представляется мнение Б. Я. Владимирцова и С. Д. Дылыкова, характеризующих его как официальное писаное законодательство, созданное по воле верховных правителей ойра-

² Согласно изысканиям японской исследовательницы Дж. Мияваки, Аюка, считавшийся потомком керантского Ван-хана, претендовал на происхождение от Чингис-хана, и именно эти его претензии и позволили Далай-ламе даровать ему ханский титул [Miyawaki, 1999. Р. 330—331].

тов [Владимирцов, 2002. С. 319; Их Цааз, 1981. С. 3]. Ф. И. Леонтович и Я. И. Гурлянд даже склонны видеть в «Их Цааз» ойратский аналог имперскому законодательству Чингис-хана ([Леонтович, 1879. С. 11; Гурлянд, 1904. С. 55]; ср.: [Голстунский, 1880. С. 10—12; Команджаев, 2011. С. 94]). Легитимность «Их Цааз» признавалась не только всеми ойратскими племенами (его положения действовали в Калмыкии даже после упразднения ханской власти вплоть до 1820-х гг.), но отчасти и в Халхе, поскольку в работе съезда, на котором этот свод был принят, принимали участие и монгольские князья-Чингизиды [Леонтович, 1879. С. 8—9; Гурлянд, 1904. С. 56; Рязановский, 1931. С. 39; Чимитдоржиев, 2002. С. 32; Санчиров, 2009. С. 17; Цэрэндорж, 2004. С. 86—90].

Другая известная кодификация права ойратского происхождения — законы калмыцкого правителя Дондук-Даши, принятые, как установлено современными исследователями, между 1749 и 1758 гг. и фактически являющиеся дополнением к «Их Цааз», многие положения которого за 100 с лишним лет успели значительно устареть [Голстунский, 1880. С. 13—16; Рязановский, 1931. С. 248 и след.; Команджаев, 2002. С. 30—35].

Кроме того, ойратские правители издавали и отдельные указы, которые, так же как и правовые акты ханов-Чингизидов, носили название «ярлык». Известны пять таких указов, четыре из которых принадлежат Галдану Бошугту-хану и приняты на рубеже 1670-х и 1680-х гг. Одни из них (три указа Галдана) также служат дополнением к «Их Цааз», расширяя его положения в части суда и правосудия, другие (известные как писаницы, т. е. наскальные надписи) представляют собой жалованные грамоты, также весьма характерные для Чингизидов [Гурлянд, 1904. С. 87—91; Рязановский, 1931. С. 62, 67; Их Цааз, 1981. С. 30—32; Команджаев, 2002. С. 26—30].

Мало было издавать законы, были необходимы и органы, обеспечивавшие их применение. Правоохранительные функции в ойратских ханствах выполняли заргучи, институт которых также был прямо позаимствован из чингизидской правовой практики: как известно, суд дзаргу был создан Чингис-ханом еще на заре формирования его империи. В Джунгарии судьи-заргучи (их было шесть) занимали высокое положение, стоя на следующей ступени чиновной иерархии после тушимэлов — ханских наместников, выше которых были лишь сами ханы [Чернышев, 1990. С. 67, 71; Моисеев, 1991. С. 36—37]. В Калмыцком ханстве существовал суд-зарго, выносивший решения на основе «Их Цааз» и дополняющих его указов Галдана Бошугту-хана. Примечательно, что этот суд, даже после того как Калмыкия была в значительной степени интегрирована в правовое пространство российской империи, продолжал существовать: в 1762 г. по распоряжению имперских властей была произведена его реорганизация, а в 1800 г. (т. е. практически 30 лет спустя после ликвидации ханства) он вновь был восстановлен ([Колес-

ник, 2003. С. 184—185; Команджаев, 2003. С. 17—19, 31]; см. также: [Горяев, 2009. С. 34]).

Из других правовых и управленческих институтов, которые ойраты унаследовали из чингизидской правовой практики, можно назвать, в частности, применение обычного права кочевых племен — йосун (как и ханы-Чингизиды, ойратские правители не вмешивались в частнопроводные отношения своих подданных) [Команджаев, 2002. С. 40], а также наличие таких должностей, как дарга и бичечи [Команджаев, 2003. С. 14—15], в которых без труда угадываются чиновники чингизидского времени — даруга (наместник, управитель) и битикчи (писец, начальник канцелярии).

Все это дает основание полагать, что ойратские правители в значительной степени видели себя не только равными Чингизидам правителями, но и, в значительной части, их правопреемниками.

3. *Претензии на политическое наследие Чингизидов.* В еще большей степени правопреемство ойратских монархов от чингизидских проявилось в том, что они переняли и их имперские устремления, стараясь сосредоточить в своих руках власть над странами и народами, прежде принадлежавшими потомкам Чингис-хана. Нельзя не согласиться с мнением И. Бичурина о том, что «ойроты замыслили восстановить древнюю Чингис-ханову империю в Азии» [Бичурин, 1991. С. 44].

Так, калмыки, которые в 1620-е гг. под предводительством Хо-Урлюка пришли на Волгу, в течение короткого времени установили гегемонию над бывшими золотордынскими подданными — ногаями, каракалпаками, кумыками, кабардинцами, башкирами и др. [Посольские книги, 2003. С. 23; Лемерсье-Кельеже, 2009. С. 257, 265; Тепкеев, 2011. С. 13]. В 1680-е гг. Галдан Бошугту-хан контролировал Восточный Туркестан, назначал здесь своих наместников и собирал налоги в свою пользу [Бичурин, 1829. С. 166; Courant, 1912. P. 50]. Согласно отчету иркутского воеводы Л. К. Кислянского, Галданом Бошугту-ханом было «взято бухарейских городов с 40, владеет де ими Бушухту-хан. И с тех де городов емлет Бушухту-хан их дань на себя» [Материалы, 2000. С. 339]. Китайский источник «Дай Цин шэнцзу жэньхуанди шилу» с преувеличениями, но вполне определенно говорит об имперских устремлениях Галдана Бошугту-хана: «Галдан уже разбил мусульманские владения Самаэрхань [Самарканд], Бухаэр [Бухару], Хасакэ [Казахстан], Булутэ [Киргизию], Ээрюнь [Яркендское ханство], Хасыхаэр [Кашгар], Сайлам [Сайрам], Тулуфань [Турфан], Хами. [Число] подчиненных им в [ходе] войны городов составляет более 1200» [Китайские документы, 1994. С. 59—60].

В 1710-е гг. Цэван-Рабдан, преемник Галдана, сумел подчинить себе значительное число киргизских родов [Моисеев, 1991. С. 69]. О многом говорит, в частности, тот факт, что пушечное производство ханов Джунгарии в конце XVII—первой половине XVIII в. располагалось в таких городах, как

Урга (в Халхе)³ и Яркенд (в Восточном Туркестане) [Бобров, Худяков, 2010. С. 209]! Кроме того, в Яркенде в первой половине XVIII в. чеканились монеты с именами хунтайджи Цэван-Рабдана и Галдан-Цэрена [Петровский, 1893; Беляев, Настич], что также свидетельствует о претензиях джунгарских монархов на сюзеренитет над бывшими чингизидскими владениями, которыми, как известно, в этот период управляли их ставленники-вассалы — Черногорские ходжи [Валиханов, 1986. С. 139].

В ряде случаев ойраты стремились установить власть не только над бывшими владениями Чингизидов, но и напрямую вступали в конфронтацию с ними. Так, например, согласно Есиповской летописи, уже в конце XVI в. ойраты находились в противостоянии с сибирским ханом Кучумом [Сибирские летописи, 2005. С. 105], в конце 1630-х гг. хошоуты разгромили халхаского Цогт-тайджи, захватив власть над Кукунором и Тибетом, в 1680-е гг. джунгарский хан Галдан распространил гегемонию и на ханства Халхи, а также на Восточный Туркестан, прежде принадлежавший ханам из дома Чагатая. Общеизвестны также войны XVII—XVIII вв. Джунгарии с Казахским ханством, которые, собственно, и привели к вхождению Казахстана в состав России.

В некоторых случаях ойратские правители даже сами назначали правителей из дома Чингис-хана, и они, таким образом, становились вассалами ойратов, которых считали ниже себя по происхождению. Наиболее широко распространилась эта практика при Галдане Бошугту-хане, который, в частности, возвел на трон Кашгара Исмаил-хана из потомков Чагатая и выделил в своих владениях улус сибирскому царевичу Дюдубеку, потомку хана Кучума [Шах-Махмуд, 1976. С. 240 и след.; Материалы, 1996. № 168].

Можно ли считать такие действия с правовой точки зрения посягательством на власть «природных» ханов из дома Чингис-хана? По всей видимости, нет, поскольку ойратские ханы, как уже отмечалось, получали титул от высшего иерарха буддийской церкви и мотивировали свои действия борьбой за распространение веры. Так, именно апеллируя к авторитету Далай-ламы, джунгарский хан Галдан старался распространить контроль на монгольские ханства Халхи, а казахов намеревался не только подчинить, но и заставить перейти в буддизм [Моисеев, 1991. С. 51; Чимитдоржиев, 2002. С. 39]. Аналогичным образом,

действовали в Восточном Туркестане белогорские и черногорские ходжи, которые, используя свое духовное влияние на мусульманское население региона, в конце XVII в. оттеснили от власти местных Чингизидов и сами занимали ханский трон до 1750-х гг., а потом боролись за него еще и до 1860-х гг. Так что основания для претензий ойратских монархов на политическое и правовое наследие Чингизидов в рассматриваемый период являлись вполне легитимными.

В борьбе за чингизидское наследие ойратские правители не всегда прибегали к военным методам — не менее широко они использовали и дипломатию. Например, Аюка, наиболее могущественный из калмыцких ханов, поддерживал контакты не только со своими соплеменниками в Джунгарии и с тибетскими буддийскими иерархами: он принимал посольства из Китая, поддерживал дипломатические и военные связи с крымскими ханами из дома Гиреев. В рамках этого союза он даже обменивался посланиями с сюзеренами Гиреев — турецкими султанами, которые сначала отказывались признавать его в ханском достоинстве и в переписке именовали просто «хаким» (правитель) [Лемерсье-Келькеже, 2009. С. 261], однако позднее признали ханом [Документы, 2008. С. 274—275]. Думается, подобное международное признание лучше всего свидетельствует об эффективности действий ойратских правителей в борьбе за чингизидское наследие и о рациональном использовании чингизидских политико-правовых институтов для достижения этой цели.

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на династические, политические, идеологические и иные расхождения, джунгарские и калмыцкие ханы в значительной степени восприняли чингизидские правовые традиции. И можно добавить: как сами Чингизиды в свое время восприняли их от более ранних степных империй — хунну, сяньби, тюрок, поскольку именно охарактеризованный в нашем исследовании порядок властвования, правотворчества и правоприменения был наиболее эффективен в Великой Степи в течение многих веков.

Собственно говоря, именно это правопреемство степных империй, анализ происходящих в них под влиянием новых факторов правовых изменений и представляется важным и перспективным направлением исследования в истории тюрко-монгольских народов, их государственности и права.

Литература

Азванова, 2007: *Азванова Н. М.* Политический статус калмыцкого ханства в эпоху Петра I // Проблемы отечественной и всеобщей истории : сб. науч. трудов. Элиста, 2007. С. 69—75 (*Azvanova N. M.* Politicheskiy status kalmyskogo khanstva v epokhu Petra I // Problemy ote-

chestvennoy i vseobshchey istorii : Sbornik nauchnykh trudov. Elista, 2007. S. 69—75).

Беляев; Настич: *Беляев В. А., Настич В. Н.* Медные пулы Джунгарского ханства XVIII в. // Электронная публикация с сайта Zeno.ru (*Belyaev V. A., Nastich V. N.* Med-

³ В. П. Санчилов (личная консультация в ходе работы Научных чтений памяти А. Г. Сазыкина, Санкт-Петербург, ИВР РАН, 16.06.2010) указал автору статьи, что под «Ургой» в данном случае следует понимать кочевую ставку самих джунгарских правителей, а не город в Халхе. Однако представляется странным, что литейное производство могло располагаться именно в кочевой ставке, а не в стационарном поселении.

- nye puly Dzhungarskogo khanstva XVIII v. // Elektronaya publikatsiya s sayta Zeno.ru).
- Бичурин, 1829: *Бичурин Н. Я. (Иакинф)*. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии : пер. с кит. Ч. I—II. СПб., 1829 (*Bichurin N. Ya. (Iakinf)*). Opisaniye Chzhungarii i Vostochnogo Turkestana v drevnem i nyneshnem sostoyanii : Per. s kит. Ch. I—II. SPb., 1829).
- Бичурин, 1991: *Бичурин Н. Я. (Иакинф)*. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Элиста, 1991 (*Bichurin N. Ya. (Iakinf)*). Istoricheskoye obozreniye ойratov ili kalmukov s XV stoletiya do nastoyashchego vremeni. Elista, 1991).
- Бобров, Худяков, 2010: *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Огнестрельное оружие в войсках Джунгарского ханства (1635—1758 гг.) // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова : сб. материалов Междунар. науч. конф. Алматы, 23—24 апреля 2009 г. Алматы, 2010. С. 204—218 (*Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S.* Ognestrel'noye oruzhie v voyskakh Dzhungarskogo khanstva (1635—1758 gg.) // Rol' nomadov v formirovaniy kul'turnogo naslediya Kazakhstana. Nauchnye chteniya pamyati N. E. Masanova : Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Almaty, 23—24 aprelya 2009 g. Almaty, 2010. S. 204—218).
- Валиханов, 1986: *Валиханов Ч. Ч.* О состоянии Алтышара, или Шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии), в 1858—1859 годах // Валиханов Ч. Ч. Избранные произведения. М., 1986. С. 112—225 (*Valikhanov Ch. Ch.* O sostoyanii Altys'hara, ili Shesti vostochnykh gorodov kitayskoy provintsii Nan-lu (Maloy Bukharii), v 1858—1859 godakh // Valikhanov Ch. Ch. Izbrannyye proizvedeniya. M., 1986. S. 112—225).
- Владимирцов, 2002: *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм // Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002. С. 295—488 (*Vladimirtsov B. Ya.* Obshchestvennyy stroy mongolov: Mongol'skiy kochevoy feodalizm // Vladimirtsov B. Ya. Raboty po istorii i etnografii mongol'skikh narodov. M., 2002. S. 295—488).
- Голстунский, 1880: *Голстунский К. Ф.* Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан-хунтайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-даши. СПб., 1880 (*Golstunskiy K. F.* Mongolo-oyratskie zakony 1640 goda, dopolnitel'nye ukazy Galdan-khuntaydzhi i zakony, sostavlenyye dlya volzhskikh kalmukov pri kalmyskom khane Donduk-dashi. SPb., 1880).
- Горяев, 2009: *Горяев М. С.* Изменения правового статуса калмыцкого народа (1771—1847 гг.) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований. 2009. № 2. С. 34—35 (*Goryaev M. S.* Izmeneniya pravovogo statusa kalmyskogo naroda (1771—1847 gg.) // Vestnik Kalmyskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy. 2009. N 2. S. 34—35).
- Гурлянд, 1904: *Гурлянд Я. И.* Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие. Казань, 1904 (*Gurlyand Ya. I.* Stepnoye zakonodatel'stvo s drevneyshikh vremen po XVII stoletie. Kazan', 1904).
- Далай, 2002: *Далай Ч.* Ойрад монголын түүх. Тэргүүн боть. Улаанбаатар, 2002 (*Dalay Ch.* Oyrad mongolyn tyykh. Tergyyun bot'. Ulaanbaatar, 2002).
- Документы, 2008: Документы по истории Волго-Уральского региона из древних архивов Турции : сб. документов / сост. И. А. Мустакимов. Казань, 2008 (Dokumenty po istorii Volgo-Ural'skogo regiona iz drevlekhranilishch Turtzii : Sb. Dokumentov / sost. I. A. Mustakimov. Kazan', 2008).
- Дугаров, 1983: *Дугаров Р. Н.* «Дэбтэр-Чжамцо» — источник по истории монголов Куку-нора. Новосибирск, 1983 (*Dugarov R. N.* «Debter-Chzhamtso» — istochnik po istorii mongolov Kuku-nora. Novosibirsk, 1983).
- Ерофеева, 2001: *Ерофеева И. В.* Символы казахской государственности (позднее Средневековье и Новое время). Алматы, 2001 (*Erofeeva I. V.* Simvolyy kazakhskoy gosudarstvennosti (pozdnee srednevekov'e i novoye vremya). Almaty, 2001).
- Ерофеева, 2010: *Ерофеева И. В.* История формирования культового комплекса Тамгалытас // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова : сб. материалов Междунар. науч. конф. Алматы, 23—24 апреля 2009 г. Алматы, 2010. С. 490—530 (*Erofeeva I. V.* Istoriya formirovaniya kul'tovogo kompleksa Tamgalytas // Rol' nomadov v formirovaniy kul'turnogo naslediya Kazakhstana. Nauchnye chteniya pamyati N. E. Masanova : sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Almaty, 23—24 aprelya 2009 g. Almaty, 2010. S. 490—530).
- Зарлигаар, 2007: *Зарлигаар тогтоосон гадаад монгол, хотон аймгийн Ван гүргүүдийн илтгэл шастир* / ред. А. Очир. Улаанбаатар, 2007 (*Zarligaar togtooson gadaad mongol, khoton aymgiyn Van gyrgyydiyn iltgel shastir* / red. A. Ochir. Ulaanbaatar, 2007).
- История, 1999: *История Эрдэни-дзу* / пер., введ., коммент. и прилож. А. Д. Цендиной. М., 1999 (*Istoriya Erdenidzu* / per., vved., comment. i pril. A. D. Tsendinoy. M., 1999).
- Их Цааз, 1981: *Их Цааз (Великое уложение): Памятник монгольского феодального права XVII в.* / пер., введ. и коммент. С. Д. Дылыкова. М., 1981 (*Ikh Tsaaz (Velikoye ulozheniye): Pamyatnik mongol'skogo feodal'nogo prava XVII v.* / per., vved. i komment. S. D. Dylykova. M., 1981).
- Китайские документы, 1994: *Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV—XIX вв.* Алматы, 1994 (*Kitayskie dokumenty i materialy po istorii Vostochnogo Turkestana, Sredney Azii i Kazakhstana XIV—XIX vv.* Almaty, 1994).
- Козин, 1947: *Козин С. А.* Ойратская историческая песнь о разгроме халхасского Шолои-Убаши Хун-тайджи в 1587 г. // Советское Востоковедение. 1947. № 4. С. 91—104 (*Kozin S. A.* Oyratskaya istoricheskaya pesn' o razgrome khalkhasskogo Sholoi-Ubashi Khun-taydzhi v 1587 g. // Sovetskoye Vostokovedeniye. 1947. N 4. S. 91—104).
- Колесник, 2003: *Колесник В. И.* Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М., 2003 (*Kolesnik V. I.* Poslednee velikoye kochev'e: Perekhod kalmukov iz Tsentral'noy Azii v Vostochnuyu Evropu i obratno v XVII i XVIII vekakh. M., 2003).
- Команджаев, 2003: *Команджаев А. Н.* Органы управления и суда в Калмыкии XVIII—XIX вв. Элиста, 2003 (*Komandzhave A. N.* Organy upravleniya i suda v Kalmykii XVIII—XIX vv. Elista, 2003).

- Команджаев, 2002: *Команджаев Е. А.* Эволюция законодательства у калмыков в XVII—XIX вв. Элиста, 2002 (*Komandzhav E. A. Evolyutsiya zakonodatel'stva u kalmykov v XVII—XIX vv. Elista, 2002*).
- Команджаев, 2011: *Команджаев Е. А.* Законодательные акты как основа формирования правового сознания калмыков в XVII—XVIII веках // Вестник Калмыцкого ин-та гуманитарных исслед. 2011. № 1. С. 93—97 (*Komandzhav E. A. Zakonodatel'nye akty kak osnova formirovaniya pravovogo soznaniya kalmykov v XVII—XVIII vekakh // Vestnik Kalmytskogo instituta humanitarnykh issledovaniy. 2011. N 1. S. 93—97*).
- Кузнецов, 1980: *Кузнецов В. С.* Амурсана. Новосибирск, 1980 (*Kuznetsov V. S. Amursana. Novosibirsk, 1980*).
- Кычанов, 1980: *Кычанов Е. И.* Повествование об ойратском Галдане Бошукту-хане. Новосибирск, 1980 (*Kuchanov E. I. Povestvovanie ob oyratskom Galdane Bo-shoktu-khane. Novosibirsk, 1980*).
- Лемерсье-Келькеже, 2009: *Лемерсье-Келькеже Ш.* Волжские калмыки между Российской и Османской империями в период правления Петра Великого (по документам Османского архива) // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей : сб. ст. / отв. ред. И. А. Мустакимов, А. Г. Ситдилов. Казань, 2009. С. 255—271 (*Lemers'e-Kel'kezhe Sh. Volzhskie kalmyki mezhdru Rossiyskoy i Osmanskoy imperiyami v period pravleniya Petra Velikogo (po dokumentam Osmanskogo arkhiva) // Vostochnaya Evropa Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni glazami frantsuzskikh issledovateley : sbornik statey / отв. ред. И. А. Mustakimov, A. G. Sitdikov. Kazan', 2009. S. 255—271*).
- Леонтович, 1879: *Леонтович Ф. И.* К истории права русских инородцев: Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий (Цааджин-Бичик) // Зап. Имп. Новороссийского ун-та. Т. XXVIII. Одесса, 1879 (*Leontovich F. I. K istorii prava russkikh inorodtsev: Drevniy mongolo-kalmytskiy ili oyratskiy ustav vzyskaniy (Tsaadzhin-Bichik) // Zapiski Imperatorskogo Novorossiyskogo universiteta. T. XXVIII. Odessa, 1879*).
- Материалы, 1996: Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1654—1685 / сост. Г. И. Слесарчук; отв. ред. Н. Ф. Демидова. М., 1996 (*Materialy po istorii russko-mongol'skikh otnosheniy. 1654—1685 / sost. G. I. Slesarchuk; отв. ред. N. F. Demidova. M., 1996*).
- Материалы, 2000: Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1685—1691 / сост. Г. И. Слесарчук; отв. ред. Н. Ф. Демидова. М., 2000 (*Materialy po istorii russko-mongol'skikh otnosheniy. 1685—1691 / sost. G. I. Slesarchuk; отв. ред. N. F. Demidova. M., 2000*).
- Моисеев, 1991: *Моисеев В. А.* Джунгарское ханство и казахи XVII—XVIII вв. Алма-Ата, 1991 (*Moiseev V. A. Dzhungarskoe khanstvo i kazakhi XVII—XVIII vv. Alma-Ata, 1991*).
- Пагсам-джонсан, 1991: Пагсам-джонсан: История и хронология Тибета / пер. с тиб., предисл., коммент. Р. Е. Пубаева. Новосибирск, 1991 (*Pagsam-dzhonsan: Istoriya i khronologiya Tibeta / per. s tibetskogo, predisl., komment. R. E. Pubaeva. Novosibirsk, 1991*).
- Петровский, 1893: *Петровский Н. Ф.* Загадочные яркендские монеты // Зап. Вост. отд-ния Имп. Русского археологического о-ва. Т. VII. СПб., 1893. С. 307—310 (*Petrovskiy N. F. Zagadochnye yarkendskie monety // Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo*
- arkheologicheskogo obshchestva. T. VII. SPb., 1893. S. 307—310*).
- Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. IV. 1700—1712. СПб., 1830 (*Polnoe sobranie zakonov Rossiyskom imperii s 1649 goda. T. IV. 1700—1712. SPb., 1830*).
- Посольские книги, 2003: Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством 1672—1675 гг. : сб. / сост. Н. Рогожин, М. Батмаев. Элиста, 2003 (*Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Kalmytskim khanstvom 1672—1675 gg. : sbornik / sost. N. Rogozhin, M. Batmaev. Elista, 2003*).
- Почекаев, 2011: *Почекаев Р. Ю.* Альтернатива Чингизидам? Ногайская Орда и Джунгарское (Ойратское) ханство: сравнительная политико-правовая характеристика // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 3. Казань, 2011. С. 112—127 (*Pochekayev R. Yu. Al'ternativa Chingizidam? Nogayskaya Orda i Dzhungarskoe (Oyratskoe) khanstvo: sravnitel'naya politiko-pravovaya kharakteristika // Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva. Vyp. 3. Kazan', 2011. S. 112—127*).
- Почекаев, 2013: *Почекаев Р. Ю.* Полное собрание законов Российской империи как источник по истории политико-правового развития кочевых государств в составе России (на примере Калмыцкого ханства) // Архивы и история российской государственности. Вып. 4. СПб., 2013. С. 111—114 (*Pochekayev R. Yu. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii kak istochnik po istorii politiko-pravovogo razvitiya kochevykh gosudarstv v sostave Rossii (na primere Kalmytskogo khanstva) // Arkhivy i istoriya rossiyskoi gosudarstvennosti. Vyp. 4. SPb., 2013. S. 111—114*).
- Русско-монгольские отношения, 1959: Русско-монгольские отношения 1607—1636 / сост. Л. М. Гатауллина, М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук; отв. ред. И. Я. Златкин, Н. В. Устюгов. М., 1959 (*Russko-mongol'skie otnosheniya 1607—1636 / sost. L. M. Gataullina, M. I. Gol'man, G. I. Slesarchuk; Otv. red. I. Ya. Zlatkin, N. V. Ustyugov. M., 1959*).
- Рязановский, 1931: *Рязановский В. А.* Монгольское право, преимущественно обычное. Харбин, 1931 (*Ryazanovskiy V. A. Mongol'skoe pravo, preimushchestvenno obychnoe. Kharbin, 1931*).
- Санчилов, 1990: *Санчилов В. П.* «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М., 1990 (*Sanchirov V. P. «Ilethel shastir» kak istochnik po istorii oyratov. M., 1990*).
- Санчилов, 2009: *Санчилов В. П.* Историческое значение Джунгарского съезда монгольских и ойратских князей 1640 г. // Вестник Калмыцкого ин-та гуманитарных исслед. 2009. № 2. С. 15—18 (*Sanchirov V. P. Istoricheskoe znachenie Dzhungarskogo s'ezda mongol'skikh i oyratskikh knyazey 1640 g. // Vestnik Kalmytskogo instituta humanitarnykh issledovaniy. 2009. N 2. S. 15—18*).
- Сибирские летописи, 2005: Сибирские летописи (Есиповская, Строгановская, Ремезовская) // История Казахстана в русских источниках. Т. II. Алматы, 2005. С. 31—266 (*Sibirskie letopisi (Esipovskaya, Stroganovskaya, Remezovskaya) // Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh. T. II. Almaty, 2005. S. 31—266*).
- Скрынникова, 1988: *Скрынникова Т. Д.* Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия. XVI—начало XX в. Новосибирск, 1988 (*Skrynnikova T. D. Lamaist'skaya tserkov' i gosudarstvo. Vneshnyaya Mongoliya XVI—nachalo XX v. Novosibirsk, 1988*).

- Султанов, 2001: *Султанов Т. И.* Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы, 2001 (*Sultanov T. I.* Podnyatyе na beloy koshme. Potomki Chingiz-khana. Almaty, 2001).
- Тепкеев, 2011: *Тепкеев В. Т.* Первые контакты калмыков с органами управления и населением Астрахани в начале 30-х годов XVII века // Вестник Калмыцкого ин-та гуманитарных исслед. 2011. № 2. С. 11—17 (*Тепкеев В. Т.* Pervye kontakty kalmykov s organami upravleniya i naseleniem Astrakhani v nachale 30-kh godov XVII veka // Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy. 2011. N 2. S. 11—17).
- Трепавлов, 2007: *Трепавлов В. В.* Белый царь. Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV—XVIII вв. М., 2007 (*Trepavlov V. V.* Belyu tsar'. Obraz monarkha i predstavlenii o poddanstve u narodov Rossii XV—XVIII vv. M., 2007).
- Успенский, 1987: *Успенский В. Л.* «Илэтхэл шастир» о происхождении монгольских и ойратских княжеских родов // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 10. 1987. С. 148—165 (*Uspenskiy V. L.* «Iletkhel shastir» o proiskhozhdenii mongol'skikh i oyratskikh knyazheskikh rodov // Istoriografiya i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki. Vyp. 10. 1987. S. 148—165).
- Цэрэндорж, 2004: *Цэрэндорж Ц.* Дочин, дорвон хоёрын «Их цааз»-ыг тогтооход Халхаас хэн хэн оролцсон бэ? // Acta Historica. B. V. Fasc. 1—26. Улаанбаатар, 2004. Т. 86—91 (*Tserendorzh Ts.* Dochin, dorvon khoeryn «Ikh tsaaz»-yg togtookhod Khalkhaas khen khen oroltsson be? // Acta Historica. B. V. Fasc. 1—26. Ulaanbaatar, 2004. T. 86—91).
- Цыбиков, 1991: *Цыбиков Г. Ц.* Буддист-паломник у святынь Тибета // Цыбиков Г. Ц. Избранные труды. Т. 1. Новосибирск, 1991 (*Tsybikov G. Ts.* Buddist-palomnik u svyatyn' Tibeta // Tsibikov G. Ts. Izbrannye trudy. T. 1. Novosibirsk, 1991).
- Чернышев, 1990: *Чернышев А. И.* Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М., 1990 (*Chernyshev A. I.* Obschestvennoe i gosudarstvennoe razvitiе ойратов v XVIII v. M., 1990).
- Чимитдоржиев, 2002: *Чимитдоржиев Ш. Б.* Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII—XVIII вв. Улан-Удэ, 2002 (*Chimitdorzhiev Sh. B.* Natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie mongol'skogo naroda v XVII—XVIII vv. Ulan-Ude, 2002).
- Шах-Махмуд, 1976: *Шах-Махмуд Чурас.* Хроника / пер., коммент. и исслед. О. Ф. Акимовской. М., 1976 (*Shakh-Makhmud Churas.* Khronika / per., komment. i issled. O. F. Akimovskaya. M., 1976).
- Courant, 1912: *Courant M.* L'Asie Centrale aux XVIIe et XVIIIe siecles. Empire Kalmouk ou Empire Mantchou? Lyon, 1912.
- Miyawaki, 1999: *Miyawaki J.* The Legitimacy of Khanship among the Oyrat (Kalmyk) Tribes in Relation to the Chinggisid Principle // The Mongol Empire and Its Legacy / Ed. by R. Amitai-Preiss & D. O. Morgan. Leiden; Boston, 1999. P. 319—331.

R. Yu. Pochekaev Chinggisid law legacy in Oirat khanates

The article is devoted to the reception of Chinggisid political and legal traditions by the Oirat states (the Junghar Khanate, the Kalmyk Khanate, the Khanate of Tibetan and Kukunor Mongols). The author analyses the legal basis of the acceptance of the title «khan» by Oirat leaders, the processes of lawmaking and law enforcement, the formal substantiation of the claims of the Oirat states for the former domains of the Chinggisids. The author concludes that the Oirats often used Chinggisid political and legal traditions that, on their part, originated from the ancient Mongol state and legal experience, as well as examples of relations of Chinggisids with foreign suzerains.

Key words: Turkic-Mongol law, Oirats, Junghar Khanate, Kalmyk Khanate, Chinggisids, khanate, legitimacy of power, Buddhism.